

Александр Сорокин

ГЛАЗАМИ СЕРДЦА

книга пятая

Москва
Академика
2013

Сорокин А.Е.

С65 Глазами сердца. Сборник стихов. Книга пятая. Изд-во
"Академика", 2013 год
ISBN 978-5-4225-0049-9

«Глазами сердца» — пятая книга Александра Сорокина. Назовём предыдущие. «Неравновесие покоя» (1993); «Изборник» (2001); «Обратная перспектива» (2005), включившая в себя переработанный вариант «Неравновесия покоя» и последующие книги «В отечестве другом», «Бесследная тропа», а также цикл «Вольные переложения». И, наконец, «Снег тишины» (2009) с дополненным вариантом «Вольных переложений». В 2011 году вышла книга «На границе тысячелетий» (Страницы русской лирики). Составитель и автор предисловия заведующий кафедрой новейшей русской литературы Литературного института им. А.М. Горького, профессор Владимир Павлович Смирнов. Она представляет собой избранное пяти современных поэтов: Светланы Сырневой, Юрия Беличенко, Виктора Верстакова, Сергея Попова и Александра Сорокина.

Александр Сорокин определяет своё художественное видение как метафизический реализм. Двумя словами это можно выразить так: автор пытается прозреть за пеленой видимого незримые процессы, которые руководят миром тел и вещей и уверен, что поэт посредством звучащей речи способен отобразить, пусть и не саму истину, но её красоту.

Александр Сорокин является лауреатом IV Московского международного конкурса поэзии «Золотое перо».

УДК 882
ББК 84(2Рос—Рус)6-5

ISBN 978-5-4225-0049-9

© Сорокин А.Е., 2013
© Метченко Е.Г., оформление, 2013

ОТ АВТОРА

3

Никто не спорит, человек — существо социальное. И мне не приходится в голову это оспаривать. Даже Робинзону на необитаемом острове, чтобы не сплыть с ума от первобытной экзотики одиночества, необходим был Пятница. Каждый мыслящий имеет потребность поделиться с другими только что или некогда пережитым. Никуда от этого не деться. Конечно, и камень в звенящей тишине, и задумчивая морская волна, и деревце, потревоженное порывом ветра, и тучка, парусником скользящая по небесному озеру (всегда — тучка, и каждое мгновение — иная по форме, цвету и содержанию), — всё способно говорить с тобой на необъяснимом, но ясном языке проснувшегося безмолвия. Однако то, что ты узнаешь от них, чем наполнишься, что вынесешь из этих нечеловеческих бесед, — требует озвучивания словом — символом, понятным существу, тебе подобному, так как всё остальное в природе понимает тебя без слов. А способен ли понять тебе подобный твой переживания, или, честнее сказать, будешь ли ты удостоен понимания? Вот такая «закавыка». Из неё, как говаривал Василий Васильевич Розанов, «и вытаскивайся»...

На необитаемом острове большого города какой день идёт снег. На дворе ни души, и кажется — город покинут совсем как в пору наполеоновского нашествия. Это только кажется, но кто рассудит, что реальнее: кажущееся мне или происходящее где-то без моего ведома?

Намедни встретил приятеля и спрашиваю:

— Тебя не удивляет этот чистый, светящийся снег? Март на исходе, а такое впечатление, что, изголодавшись за год, он, как в пасмурные

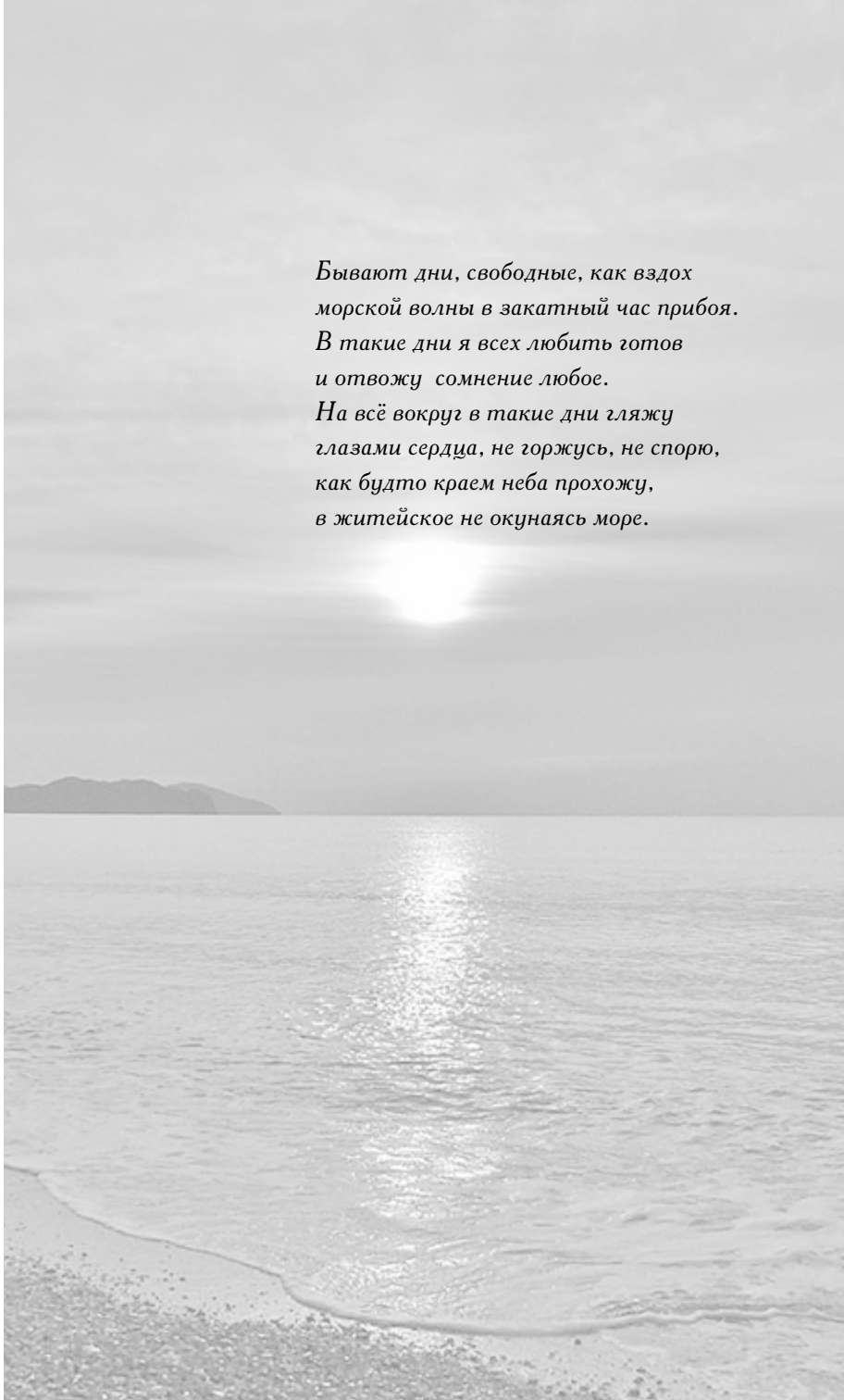
ноябрьские дни, изо всех сил хочет порадовать нас какой-то вестью. Ты не думаешь, что эпитет «необычайный» сейчас очень подходит к нему?

— У меня умерла мать, — слышу в ответ. — Вчера похоронил. Такие вот дела.

Хотелось сказать: приглядишься к этой белой, летящей, будоражащей, еле слышной снежной речи, не шлёт ли таким образом твоя мама весточку оттуда, где все мы будем, где ей теперь хорошо? Хотел сказать, но промолчал, отделавшись общими словами сочувствия, в которых именно со-чувствию места не осталось. На том и разошлись.

Не так ли сходимся и расходимся мы изо дня в день, и кучи словесного мусора, накапливаясь, вырастают в гору всеобщего непонимания? Не лучше ли помолчать при встрече, просто заглянув друг другу в глаза? А как тогда быть с женщиной, которая, как известно, любит ушами? Что только ни наговоришь ей, желая понравиться, — и вот уже дорог, а то и любим. А дальше? «Ты любишь меня?» — спрашивает. Молчу, не отрывая от нее восторженного взгляда. «Нет, ты меня не любишь, — заключает она, рассерженная моим немым обожанием. — И никогда не любил». Что же, может, и к лучшему: опять не понят, зато не наплёл уйму глупостей, за которые бывает стыдно потом, наедине с собой.

Сижу в своей неприбранной комнате, за окном тихо падает снег, рядом никого, и можно беседовать со всеми на любые темы. Снег подскажет слова, а если таковых не отыщется — обойдёмся без них, ведь посланнику белого безмолвия не нужны ни голос мой, ни почётное умение оставлять на бумаге зримые отпечатки мыслей. Поймём друг друга и так, и если нет в этой затее очередного художественного подвоха, впоследствии меня поймут и другие, не подозревая, что я заговорил с ними языком давно растаявшего собеседника. Поймут. Обязательно должны понять, ибо человек — существо социальное, и на необитаемом острове земного шара было столько пятниц на неделе, столько Вавилонских башен рассыпалось в пыль, а я сижу цел и невредим и разговариваю со снегом, с Богом, с кем хотите, — а получается — с Вами, без которых ни снега, ни Бога, ни «что хотите» я не смог бы ни осмыслить, ни полюбить.

*Бывают дни, свободные, как вздох
морской волны в закатный час прибоя.
В такие дни я всех любить готов
и отвожу сомнение любое.
На всё вокруг в такие дни гляжу
глазами сердца, не горжусь, не спорю,
как будто краем неба прохожу,
в житейское не окунаясь море.*

ПОРА

7

Проснулся — жив.
И то удача!
Нам служит жизни лазарет
для исцеленья, а иначе
просрочишь в будущность билет.

Пора —
былое есть былое —
оставив сонную кровать,
любви пространство нежилое
рассветным словом обживать.

ВЫБОР

Не хочу ни власти и ни гор златых,
мне б побольше солнца, повольнее вздох.
По судьбе шагая, я нутром постиг
самую прямую из кривых дорог.

Годы за спиною заволок туман,
всё, о чём мечтаю, не закон для вас;
жизнь необъяснима, но не всё обман,
и оковы плоти сердцу не указ.

Не какой-то ради дутой правоты
я поставил слово выше дел земных,
и не так уж важно у какой версты
оборвётся волесть здешних дней моих...

В СПОРЕ ЖИВЫХ

Умное небо глядит с высоты,
я до него дорости постараюсь.
Страшен не холод могильной плиты,
не плодовитая хворьями старость.

Страшно себя в суете потерять,
веку сему подчиниться без боя,
страшно, когда ты не можешь унять
дрожи в коленях, над пропастью стоя.

В споре живых ни велик и ни мал,
в помыслах твёрд и уклончив на деле,
мерю веры, что Бог мне послал,
сопротивляюсь мирской канители.

ТАК БЫВАЕТ

Ярких дней промежутки короткий
нам напомнил о солнце не зря:
мы плывём перевернутой лодкой
по холодным волнам октября.

Днище неба промокло без пакли,
землю в озеро луж превратив.
Бьют о жесть монотонные капли,
сочиня бездомный мотив.

Что-то будет ещё, что-то будет,
перетерпим — и станет ясней.
Дни мелькают в осенней запруде
полосатой гурьбой окуней.

Срок настанет — и вынырнет рыба
золотистого нового дня.
Непогода в глазах твоих, ибо
ты в других не находишь меня.

Так бывает, поверь, так бывает:
мир простужен и холодно в нём,
солнце долгие тучи скрывают...
Мы вернём наше солнце, вернём!

ВЕРЮ

Среди дряг и фанаберий
трудно биться об заклад,
но себе я всё же верю,
и земле поверить рад.
К вере нет дороги торной.
Путь без веры — звук пустой...
Ради пьяни подзаборной,
ради власти не святой,
за блудницу и за вора,
богача и трепача,
за отребье хуже сора,
за пропавших сгоряча;
ради искреннего слова
и проснувшихся сердец,
ради мира остального,
ради жизни, наконец, —
в смуте, слабости и силе
(ей, всесветной, не до сна)
поднимается Россия,
небом заговорена...

У РАБОЧЕГО СТОЛА

Не считая за науку
своевольный ход строки,
полюбил я плыть по звуку,
как по звёздам — моряки.

На привольном бездорожье,
слыша дальних стран прибой,
без границ и без таможи
выбираю край любой.

Пусть недолго это длится —
а без странствий жизнь скучна —
я не буду торопиться
жемчуг выловить со дна.

Так проходит час за часом,
день за днём — года бегут...
Есть ли карта, где указан
мой несбывшийся маршрут?

Мне бы обернуться птицей,
да природа не дала.
Буду в комнатке ютиться
у рабочего стола.

Скучным дням я цену знаю
и, ведом своей звездой,
на дворец не променяю
клетку с дверцей золотой.

СОСНЫ

На притихшие сосны гляжу,
проходя по вечернему бору.
Может, жизни иную межу
проложу здесь в предзимнюю пору...

Сосны, есть ли слова передать
ваши вечнозелёные думы?
Ближе к небу древесная стать
и с землёй неразрывна угрюмой.

Может, вы затаили ответ
на вопрос, что у сердца в запасе,
и смолистому братству вослед
потянусь я, прозрев в одночасье...

По обочинам выстроюсь в ряд,
как волхвы под звездой востока,
изумлённые сосны стоят...
Или это почудилось только?

ПРИВКУС ДЕТСТВА

Сердце, разве мы забыли,
вдоль по жизни проходя,
аромат прибитой пыли
после тёплого дождя;
запах крашеной террасы
и прогорклый, дрожжевой
дух от старого матраса
в шалаше, за душевой?
Пахнущий смолою ветер,
тиной и песком — река,
пряный запах разноцветий,
устилающих луга...
Лишь на миг возникнет снова
в череде иных примет
привкус запаха родного —
и опять мне восемь лет!

БАБУШКА АННА

Бабушка Анна, какому ты пану,
за спину пряча с клюквой лукошко,
кланялась,
я дознаваться не стану:
в прошлом Курляндия, ты уже в прошлом.

В прошлом моё поселковое детство
в тихом Ильинском, Жуковского возле.
Спишь ты, и здесь же легли, по соседству,
мать и отец — на московском погосте.

Ты родилась, и подумать-то страшно! —
был девятнадцатый век на исходе;
минул двадцатый; но сердцу не важно:
мир без любви одинок и безроден.

Надпись на камне тускнеет с годами,
память же камня гранитного твёрже;
верится, ангел приходит за нами
и отворяет врата свои... всё же...

Всё же полна расставаний наука
недоговорок, печалей взаимных!
Бабушка Анна, за блудного внука
ты помолись в незакатных долинах...

ОН БРЕДЁТ...

Гул сердечный облекая в слово,
он бредёт нехоженой тропой.
Что ему до мира остального,
до его надёжности слепой?!

От соблазнов, в воздухе разлитых,
ни сума не лечит, ни тюрьма,
ни бездумной нежности избыток
и ни скупость трезвого ума.

Не поборник святости, не книжник,
не герой, по знаку — Водолей,
он не ищет доказательств лишних
правоте бессмысленной своей.

Этой странной чести удостоен,
по стерне порубок и потрав
он бредёт, бездомный, под конвоем
смутных снов, опередивших явь.

Знал бы он, куда ведёт дорога,
оступился, может быть, уже...
Как лунатик по карнизу Бога,
он бредёт по призрачной меже.

ДЕВОНЬКА

Ловко плетёшь ты, девонька,
прихотей сеть ажурную,
даришь легко подельникам
нежность свою дежурную.

Не по летам умелая,
не на словах красавица,
красишь ты губы спелые,
хочешь больней понравиться.

Мучай, играй, запутывай,
бреда ночного данница,
только в остуде утренней
что на помин останется?

Ложе любви Прокрустово
мстит красоте жестоко:
будет душа искусана
в кровь, а не губы только.

СТАРАТЕЛИ ПРЕКРАСНОГО

Кого винить, мой безымянный друг,
что жизнь сложилась так, а не иначе?
Легко удачу выпустить из рук,
да разберёшь ли, что считать удачей.
Мы не для битв и быта рождены —
весёлый Пушкин возвестил об этом,
но если нет на сердце тишины,
возможно ли поладить с белым светом?
И стоит ли весь век, из года в год,
как в неудачно выстроенной драме,
ошибкам и грехам вести подсчёт
и прикрываться добрыми делами?
Не упрощай задачу — жизнь сложнее
и оттого, наверное, дороже.
Мы ничего не понимаем в ней,
старатели прекрасного... и всё же
чужой дорогой, но своим путём,
на посох слова опираясь, мимо
бескрылой очевидности идём...
И только эта страсть неупразднима!

О СЛАВЕ

Не стоит славы добиваться.
Ты тронул души и умы
без восхвалений и оваций,
и без рекламной кутерьмы.

Ты испытал полёт высокий,
коснулся тайны вещей снов,
и мир, скупой и однобокий,
стал удивителен и нов.

Какой ещё ты ждёшь награды? —
она в тебе, в страде земной.
Потомкам пушкинской плеяды
не надо звёздности иной.

С УЛЫБКОЙ О СЕРЬЁЗНОМ

Когда нет денег — пишутся стихи.
А денег, к счастью, не хватает часто.
Не мне решать: прекрасны ли, плохи
дела мои, умно живу ли, праздно?
Я извиняюсь за шутливый тон,
но в каждой шутке есть и правды доля.
Мне не до смеха — будет смех потом,
когда своей не оправдаю роли.
Вновь денег нет — зато стихи идут,
по-пастернаковски, гуськом в затылок.
Сидеть и править — это тоже труд.
К тому ж, мозги мои не из опилок.
Сижусь и правлю, и сухарь грызу,
не поддаюсь зевоте нерадивой.
Авось опять удачу-стрекозу
смогу поймать сачком строки строптивой!

ГЛАЗА ЖЕНЩИНЫ

Я вхожу в твои глаза,
 одиночеством гоним,
 не как зритель в кинозал
 с любопытством проходным,
 не как прихожанин в храм
 со смиреньем и мольбой, —
 как в открытый всем ветрам
 дом, обещанный судьбой.
 Женщина, чего ты ждёшь?
 Не хозяин, не слуга,
 я ни плох и ни хорош,
 я пришёл издалека
 и сажу, тебя обняв
 не на жизнь и не навек.
 Ты прости, коль я неправ,
 я ведь только человек,
 сам не знающий, куда
 заведёт меня строка.
 Мы простимся у моста
 в неизвестность. Но пока...
 я вхожу в твои глаза —
 их магнит необъясним,
 что-то в них такое... за
 пониманием моим.

МЕЖДУ ЗЕМЛЁЙ И НЕБОМ

И.Н.

Милая моя, милая,
 русая, длиннобудылая!
 Слышишь: ковыль колышется
 в поле под вольным ветром, —
 так наша повесть пишется
 в сердце лучом рассветным.
 Кто мы с тобой? — два странника
 между землёй и небом.
 В мире кнута и пряника
 кажемся сном нелепым.
 Поле души ковыльное
 тоже заносит снегом.
 Но на ручьи обильная,
 снова живым побегам
 оттепель весть весеннюю
 с пашен иных приносит.
 Выпьем же за спасение
 тех, кто о нём не просит!

МОЕМУ САДУ

О чём молчишь, объятый зноем сад?
 Я что ни день с тобой встречаюсь взглядом.
 Иссяк цветенья буйного азарт,
 скупая осень ходит где-то рядом.

И всё же тянешь соки из земли.
 Тебе и мне, как погляжу, неймётся:
 иной расклад мерещится вдали
 и бьёт в глаза иных закатов солнце.

Ещё в князьях с тобой побудем мы,
 покуролесим и поколобродим,
 а там, глядишь, дотянем до зимы,
 где каждый одинок, зато свободен.

Года, как дым, уходят в облака,
 и дров на зиму надо бы немало.
 Пускай нам эта ноша нелегка —
 не рождены гореть мы вполнакала.

Мы дети солнца с головы до пят,
 и не к лицу нам мерзость запустенья,
 за нами есть присмотр и догляд
 на высоте свободного паренья.

В МАЛЕНЬКОЙ КОМНАТКЕ

В маленькой комнатке всё под рукой,
 как говорится, на месте.
 В уединенье не стал я брюзгой,
 гладить себя против шерсти
 не пристрастился, забавам иным
 дань отдаю на досуге:
 речка и лес — не зазорно мне к ним
 в гости ходить без подруги.
 А навестит меня лада — вдвоём
 не заскучаем, дуэтом,
 знамо, какую мы песню споём,
 угомонившись с рассветом.
 В маленькой комнатке сердцу простор,
 звёзды стучатся в окошко,
 телеэкранный нафабранный вздор
 выглядит бледно и пошло.
 Ради него не надену ярма
 ни на труды, ни на чувства,
 и не беда, что пусты закрома,
 да и в карманах не густо.
 Здесь до отчизны рукою подать —
 в маленькой комнатке тесной,
 и не забудешь здесь Родину-Мать,
 и не расстанешься с песней...

МОЙ КОВЧЕГ

Я не ною, я живу,
древним Ноем я плыву
по мирскому океану
сквозь потоп ночей и дней.
А когда на берег стану —
Провидению видней.

Ветвь оливковая — слово,
неизвестность — компас мой.
Пену ухарства бывшего
оставляю за кормой.

Ветер жизни дует в спину,
волны бьются о борта.
Мой ковчег я не покину,
даже если в нём вода.

Горизонт окину взглядом —
мне тонуть пока не срок —
и свиданье с Араратом
отложу до лучших строк.

БЛАГОДАРЕНИЕ

Поля Подмосковья не солнечный Крым.
Мы склонны к иному везенью:
спасибо Тебе, что снегами укрыл
Ты нашу продрогшую землю.
И в белые ризы деревья одел...
Пусть сердцем к Тебе не добрёл я,
спасибо вдвойне за подаренный день —
лучистый осколок безмолвья...

ЧТО НАС ЖДЁТ?

И протянет судьба
 между нами жестокою нить,
 и не даст даже доли мгновенья,
 чтоб затормозить.
Александр Межиров. Проезжая часть (рукопись)

Я не знаю, что на тормоза
 вам нажать той ночью помешало,
 и судить не буду за глаза —
 каждый в плоть своё имеет жало.

Помню, вы ходили сам не свой —
 легче было б броситься под танки.
 Только пыл отваги фронтовой
 ничего не стоит на гражданке,
 где свои опаснее чужих,
 а чужой умеет бить по-свойски,
 и никто чужому среди своих
 не позволит умереть геройски.

Знаю, приходил к вам по ночам
 человек, попавший под колёса,
 не грозил, ни в чём не уличал —
 возникал из нетей безголосо.

Может быть, до самого конца
 появлялся этот гость без стука,
 без упрёка злого, без лица...
 И одно ему названье — мука.

В чём-то я такой, как вы, и мне
 от гостей незваных нет покоя.
 Но останусь я в своей стране
 и не сдам позиции без боя.

Как и вы, чужой среди своих,
 я за общей не стою обедней:
 не до жиру — только бы в живых
 оставаться до черты последней.

Оступлюсь — подайте с неба знак.
 Вы со мной быть искренним умели,
 в точной рифме были вы мастак
 и строкой не били мимо цели.

Добрым словом поминаю вас.
 Мы заочно в жизни умираем,
 Александр Петрович, много раз!
 Как вы там, за самым крайним краем?

МОЛИТВА

Чаша страданий до дна не испита,
и у России молитва — пол-литра.

Времечко наше
чем гаже, тем злей...
Милости к падшим
чашу налей!

НЕБОСВЕТ

Кто сказал, что Россию прѳдали,
по кускам растащили всю?
Просто мы обходными тропами
заблудились в родном лесу.
Разучились во тьме аукаться,
вот и кажется — день придѳт
и повсюду распушит щупальца
нечисть самых глухих болот.
Полно вам, связь времѳн не порвана —
звѳздный кружится ипподром,
а не хищные злыдни-вороны,
над потухшим в ночи костром.
Не отринем творенья умного:
и сквозь заросли худших лет —
так уж наша земля задумана —
пробивается небосвет.

РУССКИЙ СЕВЕР

1. ВОЛОГДА

По узкой Вологде, по русской Вологде
петляет теплоход, минуя мели.
Всего на день мы задержались в городе
и за день полюбить его успели.

Весь нараспашку лёг он, белокаменный,
передо мной при взгляде с колокольни,
и так вольготно рядом с облаками мне —
поднявшись к облакам, дышать привольней!

Что скрыл от мира легкокрылый Батюшков,
застыв у храма Александра Невского
на перекрёстке двух путей загадочных:
пути земного и пути небесного?

Куда теперь свои стопы направим мы?
Гостеприимству краткому обязаны
и суетой вокзальной не ограблены,
какими вас попотчует рассказами?

Вопросов воз — повременим с ответами:
душа терпению у дороги учится,
жизнь задарма не делится секретами,
на то она и жизнь, а не попутчица.

2. КИРИЛЛОВ

Я стою у стены, у кирпичной стены
Белозерского монастыря,
и озёрные дали так ясно видны;
над водою, кругами паря,
чайки резвые тонкую ткань тишины,
как игой, прошивают на миг,
и опять только вздохи прибоя слышны, —
в синеве утопает их крик.

Я не знаю, какой его свет озарил
в час блаженный далёкой поры, —
за семь вёрст углядел преподобный Кирилл
это место с Мауры-горы.
Над обителью низкое солнце плывёт
в дымке радужной нового дня.
Этих стен, перешедших столетия вброд,
неприступна молитва-броня.

3. У ДИОНИСИЯ

По Бородаевскому озеру
плывёт рассвет ладьёю розовой,
и воздух в пору лета позднюю
прозрачно свеж, очищен грозами;

вдали луга в туман окутаны;
за монастырскою оградюю
ударил колокол к заутрене,
жизнь обещающая беззакатную.

Когда-то роспись Дионисия
на стенах церкви в Ферапонтове
рубцовскую строку возвысила,
а ныне я стою под сводами
незыблемого храма древнего.
Что пять веков столпотворения
для кисти трудника смиренного,
как поглядишь — одно мгновение!

Здесь и в природе слиты накрепко
сиюминутное и вечное.
С неторопливостью привратника
кивает мне берёза встречная.
Порывом ветра благодатного
я занесён сюда, наверное...
И Север стал духовным братом мне,
сестрой — озёрная губерния.

4. МУЖИК ИЗ КАБАЧИНА

Зимой, один на всю деревню,
мужик судьбе бросает вызов.
От нескладухи повседневной
до срока почернел и высох.
Повеселей весной и летом —
брат навестит, сосед поможет;
а после всех как сдует ветром,

и снова по ночам тревожат
одни лишь кабаны да лоси.
Нет в мужике на жизнь обиды,
у Бога помощи не просит.
В глуши, затерянный, забытый,
придёт с мороза, бросит шапку,
возьмёт початую бутылку,
подкинет в печку дров охапку,
затянет, всем напастям в пику,
о Севере суровом песню,
на лавке захрапит спокойно
и не загнётся, хоть ты тресни,
от омерзительного поёла.
И так, один на всей планете,
живёт мужик, как марсианин...
Как знать, и за него в ответе
перед Всевышним мы предстанем.

5. ВЕЧЕР В ГОРИЦАХ

Вот сюда бы, в обитель опальных княгинь,
удалиться от шума столиц,
поклониться смиренно просторам благим,
и упасть обессилено ниц
перед северным небом, струящим покой.
Вот сюда бы... да норв не тот.
Я не послушник, нет, я причастник другой —
я мирских ещё полон забот.

Волго-Балт поглотил невеличку Шексну.
И, скользя по широкой воде,

не идёт моя грузная лодка ко дну, —
в этот вечер я здесь и везде.
В задымлённой Москве меня женщина ждёт,
я оставить её не могу.
Плещет жизни река — не нащупаешь брод...
Что найду я на том берегу?

СОЛНЦЕ ДВУХ НАРОДОВ

Не гаснет солнце двух народов,
не слепнут их поводыри.
Проказа войн и недородов
не источила изнутри
подвижников честное племя.
И над молитвами святых
не властны ни гроза, ни время,
и смерть проходит мимо них.

Плывёт в неизреченной думе
столетий грузных караван.
Бредут монахи из Салуни
с небесной азбукой славян.
А русский смотрит на дорогу
и видит византийский сон...
Единому причастны Богу
и наш, и греческий Афон.

НА ЭГЕЙСКИХ БЕРЕГАХ

1. ВОЛНЫ И ЗВЁЗДЫ

Море Эгейское странника встретило
тёплой, солёной, ленивой волной.
Звёзды, вобравшие тысячелетия,
на небо всплыли одна за одной.

Вам отдаю моё сердце славянское,
море и звёзды чужой стороны,
заворожите античными сказками
и откровеньем прибрежной волны.

Не Афродита ли пеннорождённая
в женщине встречной увидится мне?
Сфинксом легла Калликратия сонная
в многоречивой ночной тишине.

Берег пустынный и море. И берегом
долго брожу я и слышу порой
в плеске прибоя, раздольном, размеренном,
что-то родное, забытое мной.

Пение волн, звёзд ли крупных мерцание —
что-то подобное было уже...

Было ли, не было — воспоминание,
верно, не зря всколыхнулось в душе.

2. ФЕССАЛОНИКИ

Июнь, жара и с моря ветер ласковый,
и я в толпе иголкой в стогу.
Салунь — так окрестила речь славянская
акрополь на эгейском берегу.

Мне по душе названье это зычное.
Развалин камни, своды базилик
хранят следы младенчества античного
и православья византийский лик.

Он за века не искажён мечетями,
хоть полумесяц правил здесь века.
И вот теперь меня с местами этими
соединила времени река.

Отдав поклон мощам святого Дмитрия,
стою, гляжу на город с высоты.
Морскою солью плоть его пропитана
и в синеве причалы и сады.

Июнь, жара — таким он мне запомнится,
об остальном прочту по облакам:
как римская здесь проходила конница
и как гулял турецкий ятаган.

Как ученик великий Аристотеля
вонзал в песок усталое копьё...
Одна у нас, гиперборейцев, родина —
у каждого отечество своё.

3. АМФОРА

И.Н.

С греческой амфорой кто-то сравнил тебя точно и смело.
Тонкую эту работу — душу живую и тело —
мастер исполнил на совесть, мастер, неведомый миру.
О совершенстве заботясь, в амфору встроил он лиру.

Тихо ты тронула струны, вызвав дельфийское пламя,
и с увлечением юным я превратился в желанье.
Что мне пространство и время!

Смертным собратьям на зависть
мастера славлю творенье, амфоры жадно касаюсь!

4. МЕТЕОРЫ

Монахов — птах Господних — гнёзда
увидев на вершинах скал,
мирским умом понять непросто,
как человек туда попал.

Не с облаков же опустилось
семейство стройных базилик,
и не одна Господня милость
окружи изменила лик.

Земными тяжкими трудами
духовный подвиг совершён:
путём молитв, путём страданий,
в которых мир не искушён.

В долине гор стоят, как свечи,
огнём пылая изнутри,
сосуды веры человеческой —
отшельники-монастыри.

Мы к ним — они от нас, всё выше —
подалеже от толпы людской,
туда, где и во сне не слышен
соблазнов голос бесовской.

Но нет покоя от туристов!
И добрый старец Феофан
оставил труд молений чистых
и на минуту вышел к нам.

В походной толчее событий
я тех мгновений не забыл:
«Эвлогитэ — благословите!»
И он меня благословил...

5. ДВА ВОИНА

Два воина — Салунский, Македонский,
и каждый преуспел в своём труде:
один — земель завоеватель грозный,
другой — воитель славный во Христе.

Они не только войны — поэты,
иначе их представить не могу.
И каждый знал солёный вкус победы,
и каждый верил в лучшую строку.

И посейчас они живут в потомках,
и стародавний не окончен спор —
что перевесит: пыл сражений громких
или о жизни вечной разговор...

Я ЕЩЁ НАПИШУ

Я ещё напишу о Париже,
хоть туда не гонял я коней.
Так бывает: чем дальше, тем ближе,
чем туманней, тем сердцу видней.
Я ухмылку химер Нотр-Дама
углядел у захожих девиц,
на французском прочёл я Ростана:
то ли пять, то ли десять страниц.
На избитой брусчатке Монмартра
мне однажды приснился Бодлер...
Дух французский — открытая карта
для постигшего русский размер.
Мы такие Бастилии брали
и такой пережили террор,
что французам приснится едва ли...
Я, Париж, до тебя до сих пор
не добрался и к русским могилам
я фиалок твоих не принёс.
Мне любые скитанья по силам.
По карману ли? — вот в чём вопрос.

ЕЩЁ ПОБУДЕМ

Яблони, каштаны, сливы зацвели...
 Что ещё, приятель, ты от жизни ждёшь?
 Жёны — не принцессы, мы — не короли,
 ни на фунт геройства, славы ни на грош.

Опустились крылья и не зорек глаз,
 и дрожит с похмелья твёрдая рука;
 всё же кто-то светлый молится за нас
 и благословляет на полёт пока.

И пока коптим мы этот белый свет,
 он в ответ нам дарит вёсны и цветы.
 Мы ещё добудем радости секрет,
 мы ещё побудем с высотой на ты.

К САМОМУ СЕБЕ

... И вырвал грешный мой язык...

А.С. Пушкин. «Пророк»

Неумолим закон инфляций
 во все века и до сих пор.
 А вот поэты, брат Гораций,
 ведут с грядущим разговор.

Живое слово и донныне
 живым указывает путь:
 у сердца нет иной твердыни;
 давно пора перевернуть
 бездушный Рим и сделать Миром,
 настроить люд на лирный лад...

Я слаб ещё, но будет вырван
 язык мой грешный, брат Пилат!

РУССКИЙ САМУРАЙ

На медленном огне сгорая,
с холодной твёрдостью в груди
он выбрал долю самурая
и совести сказал: «Веди!»

Причастник той и этой тверди,
ступивший на земную твердь,
не ждёт он и не ищет смерти
и на пути не сеет смерть.

Идёт без друга, без охраны,
и жгут подошвы, как угли,
незаживающие раны
на теле сгорбленной земли.

Кто верен и земле, и роду —
не славит подставную власть,
в реке судьбы не ищет броду,
рискуя без вести пропасть.

Лицом к лицу с ордой безродной,
он не уступит ей ни в чём,
всё с той же твёрдостью холодной
владея словом, как мечом.

Он воин, он гонец, он вестник —
безвестный русский самурай.
И след его, теряясь в безднах,
опять приводит в отчий край.

ПУШКИНСКИЙ ВОПРОС

Куда струишься, женщина-вода,
минуя все запруды и затоны?
В тебя как в реку бросившись с моста,
плыву я к морю нежности бездонной.

Плыву, плыву, всё шире берега,
а русло дней оставшихся всё уже.
Плыву, и дна не достаёт нога,
водовороты голову мне кружат.

Ни маяка, ни бакена, одна,
мерцающая ласковой пучиной,
живой воды немая глубина
да берег, в дымке еле различимый.

В какое устье, женщина-река,
несёшь меня, к какому чудо-морю?
Бежит вода, белеют облака,
и я плыву, с твоей волной не споря.

И пушкинский вопрос «куда ж нам плыть»
в иные дни по-своему тревожит,
но дать ответ, по пальцам объяснить
я не могу... да и никто не может.

VITA NOVA

С милой женщиной разлука
после частых бурных встреч;
чистота и лёгкость звука,
не сгустившегося в речь;
и над книгою зевота,
и купание в реке,
и заката позолота
в беспричальном далеке;
благосклонное молчанье
звёзд, светлеющий восток ...
Дни отрадного скучанья —
жизни новой обещанье,
пробуждения залог.

ПО ГРИБЫ

Лес пестрит осенними заплатами —
каждому по сроку свой удел —
старый пень, усыпанный опятами,
ободрился и помолодел.

Да и мне грустить пока что не о чем:
окружён премудростью лесной,
я на всё гляжу счастливым неучем.

Нож, корзинка и рюкзак со мной,
надо мной верхушки сосен в золоте
тихого и солнечного дня.

Года три, как не живу я в городе, —
это тоже радует меня.

По душе такой урок взаимности
мне в соседстве ёлок и опят.

Всё, что мог с собой из леса вынести, —
вынес я — и сказочно богат!

К СОЛНЦУ

Осень не тронула сосны и ели —
им зеленеть в белизне наших зим.
Но за неделю совсем порыжели
кудри окрестных берёз и осин.

— Весь ты в пунцовом! В обличии новом
как тебе дышится, братец мой клён?
Машет мне веткой: «Спасибо, кленово —
я по макушку в рябину влюблён».

Вижу, и осень любви не помеха.
Пусть собираются в тучи года,
но от корней и до самого верха
будем мы к солнцу тянуться... всегда!

НЕ РАДУЙТЕСЬ

Для кого-то я алкаш,
а кому кудесник слова,
а кому-то просто «наш»,
жизнь ведущий бестолково.

Если скажут — ловелас,
есть и в этом доля правды.
Словом, весь в грехах погряз,
в доску свой, а вы и рады.

Рады эти, рады те...
Но смогу я, может статья,
как разбойник на кресте,
перед Богом оправдаться.

В СВОЁМ КРУГУ

Овеян воздухом лесным,
в заимке усовского бора
уже почти что записным
его лесничим стану скоро.

Упало дерево — и вот
рублю я сучья для прохода.
Да мало ли каких забот
подкинет прыткая природа!

Но больше люди: тут и там
разбросан мусор, как в бараке,
и с тем, кто множит этот хлам,
не побоюсь дойти до драки.

Зато есть чистая река —
в июльский зной к ней путь недолог;
зато есть белые снега
и над лыжнёю лапы ёлок.

И синь полоски заревой,
и шумный сход дождей отвесных,
и солнца луч над головой
в кругу сородичей древесных...

СОЛНЕЧНЫЙ ВОЛК

Не гляди на впалые бока —
 волк матёрый славен худобой.
 Я не стал мишенью для стрелка,
 проходя охотничьей тропой.

И давно не вою на луну.
 Поджидая медленный рассвет,
 к звёздам свою морду я тяну,
 солнечный вынюхиваю след.

Я и в стае одинок давно.
 Что мне их погони и грызня!
 Пусть природой так заведено,
 да закон ли это для меня?

С виду тот же: лапы, шерсть, клыки.
 Но никто моих не видел глаз
 в час глухой, когда вокруг ни зги.
 В вожделенный предрассветный час.

В час, когда из пропасти ночной,
 словно сквозь тысячетный гнёт
 пробиваясь, вспыхнет надо мной
 первый луч и сон веков спугнёт.

И разгонит первобытный страх,
 птичьим хором огласится лес,
 и замру я, голову задрав,
 перед эти чудом из чудес!

В ТАКИЕ ДНИ

И дни идут, и снег идёт —
 посланник неба безъязыкий,
 и верится, его полёт
 необычаен в судеб книге.
 На этот раз под Рождество
 зима на зимушку похожа.
 Земле сейчас милей всего
 снегов пуховая одёжа
 и лёгкий, ласковый мороз...
 В такие дни, скупые вроде,
 в груди встаёт во весь свой рост
 благоговение к природе.
 По свежевспаханной лыжне
 скольжу, не убавляя шага,
 и въётся в белой тишине
 снежинок шустрая ватага.
 Вливаясь в этих дней поток,
 пью откровенье снеговое
 и берегу для лучших строк
 минуты светлого покоя.

А САД ЗВЕНИТ

Хрустальный сад звенит — порывы ветра
 сдувают с веток снежную пыльцу.
 Мороз крепчает — не в новинку это
 календарю: Крещение на носу.

Текут по небу воды Иордана,
 ложатся снегом на стерню равнин.
 Пречистый плат — защита и охрана
 земли моей, вместившей Третий Рим.

С незамутнённой радостью свиданья
 гляжу на поле и на ближний лес.
 Их красота не ищет почитанья,
 довольно им, что солнце всходит здесь
 и по утрам дол оглашают птицы,
 лампы звезд мерцают по ночам;
 что я у них способен загоститься,
 когда погаснут окна у сельчан...

Мороз крепчает и берёт за уши.
 Что за беда — Крещение на носу.
 С молодых ногтей я с ним привычно дружен
 и крест годов безропотно несу.

А сад звенит слезой заледенелой,
закатный луч приветствует, звеня.
Знать, веселей ему в одежде белой
глядеться в прорубь будущего дня.

31 ЯНВАРЯ

Не с того ли, что в январскую пургу
родился я, холода мне не страшны?
Как на лыжах, по судьбе своей бегу:
прямиком, по первопутку, без лыжни.

Разве страшен наш прославленный мороз,
загоняющий друзей моих под кров,
в этой жизни, продуваемой насквозь
чередой иных, неистовых ветров!

Александром я с рожденья наречён —
победитель! а кого мне побеждать?
Разбери-ка тут попробуй что почём,
если жизнь в меня вошла по рукоять.

Побеждённый днём вчерашним, но живой,
просыпаюсь и иду на вы опять:
не пора ещё войскам трубить отбой,
есть ещё, что находить и что терять!

Вьюга белая в окне не белый флаг,
сам себе и друг, и враг я, погляди:
моя крепость не сдаётся просто так —
не одно ещё сраженье впереди...

ПЕРЕЗИМУЕМ

Главный соперник мой —
это я сам;
дружен со светом и тьмой
не по часам,
а по биению слов
в сердце моём.
С ним, не склоняя голов,
что мы споём?

Совестью я не забыт —
Богом сиречь.
И унывать не велит
русская речь.
Не поддаваясь годам,
снегу седин,
перезимуем, а там...
Там поглядим!

В ТАКУЮ НОЧЬ

В такую ночь бессильна тьмы заграда,
на всё мы смотрим просветлённым взглядом.
В такую ночь как не поверить в чудо,
не встрепенуться — чудо это рядом!

Слова всесветной, всепобедной песни
в такую ночь разносятся над нами:
над теми, кто в пути или в болезни,
и теми, кто свечу затеплил в храме.

«Склонитесь, люди, перед вышней славой!
Возрадуйтесь! — звучит из поднебесий. —
Христос воскресе, смертью смерть поправый!»
И вторит дол: «Воистину воскресе!»

Я ГОТОВ

Забываю о жизни и смерти
и не знаю, молиться кому
в дорогие мгновения эти —
их умом я никак не пойму:
залетая незнамо откуда,
увлекая незнамо куда,
воспаряют слова из-под спуда
и ложатся на лист без труда.
В них так много неожиданного света
и задора, грозящего тьмой!
— Ты готов заплатить за это
своей честью и жизнью самой?
Я готов, ибо сердце ликует.
И тоскует, когда в тишине
ветер этих мгновений не дует,
и слова замирают во мне...

МУДРЕЦ ГОВОРИЛ

А мудрец говорил, как не верить ему,
одолевшему мыслью невежества тьму:
«Написав, отложи на семь лет свой куплет —
к совершенству пути достовернее нет».

Я прислушаться сразу к нему не сумел:
слишком много соблазнов и суетных дел,
слишком многое хочется в жизни постичь,
снов небесных помимо и слова опричь.

Поумнел наконец — жизнь иначе течёт,
и такой вот в уме открывается счёт:
чтоб с десятков стихов безупречных сложить,
надо семьдесят лет ухитриться прожить.

ТАКОВ ПОЭТ

Поэт живёт не по закону.
 И окрылённому ему
 и вдохновение знакомо,
 и погружение во тьму.
 Он верен сердцем беспокойным,
 сжигая в прошлое мосты,
 порывам бурным, звукам стройным
 и обольщению красоты.
 Он часто людям неугоден,
 а Богу? — знает только Бог.
 Он одинок, зато свободен.
 Смирная чувств переполох,
 он слову служит бескорыстно
 и крепок в этом, как гранит.
 Уж такова его харизма:
 и в муках радостотворит.

СРЕДИ СНЕГОВ

Дом наш снегами завален.
 В знатный крещенский мороз
 чаю покрепче заварим,
 вспомним, как сладко спалось
 в краткие майские ночи. —
 Нынче же ночи длинны,
 утра бессолнечны, впрочем
 нет в этом нашей вины.
 Чаю заварим покрепче,
 смотришь, и день пролетел.
 Не загостится и вечер.
 Время положит предел
 вьюжным февральским проказам —
 грозам настанет черёд.
 Ветер простуженным басом
 пусть о весне нам поёт!

НА ЯЗЫКЕ КАПЕЛИ

Не по ранжиру и не в ряд
 вокруг столпились сосны, ели.
 Они со мною говорят
 на звонком языке капли.

Пока мы бредили зимой,
 они вдохнуть весну успели.
 Для них не стали Колымой
 насквозь промёрзшие недели.

Скупым овеваны теплом,
 под солнцем, здешним, не палящим,
 они не помнят о былом,
 не прозябают в настоящем.

Содружество деревьев — лес,
 немой участник в диалоге
 земли и неба, — и прогресс,
 и люди для него — не боги.

Иным умом разумен он,
 и разум тот, похоже, дышит
 сегодня и во мне самом,
 коль сердце речь капли слышит.

У ОБИТЕЛИ

Шум водопада слышится с холма
 у монастырских стен серпуховских.
 Здесь неуместна жизни кутерьма
 и даже воздух благостен и тих.

Несуетлив паломнический люд,
 и плавно проплывают облака.
 Здесь братии богоугодный труд
 всё обустроил прочно, на века.

В цветах дорожки, купола горят,
 и ангелы на башнях крепостных.
 Спокойно так. И боле нет преград
 для чувств высоких, стройных и простых.

НАШ ХЛЕБ

Где встретятся в окне моём
Минувший день с грядущим днём.

Эдуард Балашов

Встречаются в окне моём
грядущий день с минувшим днём.
И бьётся о стекло синица.
Она впорхнула поутру
в мою вселенскую нору
в надежде хлебом поживиться.

Наш хлеб не крохи на столе
и мы не боги на земле.
Но в доме с солнечным размахом,
где в небо устремлён простор,
пора засесть за общий стол
и людям, и зверью, и птицам.

Глянь, на дворе царит весна!
И бьётся о стекло синица.
Ей так же комната тесна,
как слову — книжная страница...

ЖИВОЕ СЛОВО

Живое слово не полова,
взойти которой не дано.
От сердца молвленное слово
в сердца ложится, как зерно.

Оно взойдёт и всё, что ложно,
сумеет тут же обнажить.
Его придумать невозможно —
возможно только пережить.

И нет в том никакой заслуги
и никакого барыша.
Но душу положить за други
не страшно с ним. Коль есть душа...

МОЯ РОССИЯ

Чую силу стоять за Россию.
Ведь Россия не строй, и не власть,
и не лозунг огульный: «Спаси её!»,
и не суши великая часть.

Это пушкинское совершенство,
это Блока святые слова,
это путь от тюрьмы до блаженства,
в темноте различимый едва.

УТРО НА ОКА

Блестит Ока, и не окинуть оком
её изгибы с древнего холма.
Так предок мой во времени далёком
Глядел и думал: «Это жизнь сама!»

Плывут по ней и прадеды, и внуки,
не узнавая прежних берегов,
одолевая омуты, излуки,
друзей теряя, находя врагов.

Проныра ветер, высланный дозором,
оборотившись, наполняет грудь
сосновым бором и Хвалынским морем,
к земле небес указывая путь.

Плывут веками от истока к руслу,
вдаль провожая взглядом облака,
и реку эту называют Русью;
не важно — Дон ли, Волга ли, Ока...

ГОЛОС СЕРДЦА

Поверьте, сердце хочет
не властвовать — творить.
Любой противясь порче, —
не выживать, а жить.

Незримые рапсоды
в его полях поют:
блаженному — свободу,
бездомному — приют,
унылому — отраду,
усталому — покой...
Дары все эти рядом,
буквально под рукой.

А мы в своей гордыне
путь не нашли к нему
и потому донине
предпочитаем тьму.

К ЖИЗНИ

Гладишь по сердцу шершавой ладонью своей —
я благодарен за грубую нежность такую.
На переправе, с паромы оставшихся дней,
с прошлым прощаясь, о большем просить не рискую.

В дальнем пути неизбежном кто может помочь
страннику, что миротворцем прослыл неумелым:
ангел-хранитель, любимая женщина, дочь,
слово, зовущее к свету и ставшее делом.

Бледные ласки зари — первый день декабря,
солнце лицом повернулось на Север рассветный
и улыбнулось: «Пора поднимать якоря!» —
мир начинался с улыбки младенческой этой.

ЛУЧШИХ СТРОК МОИХ НЕВЕСТА

ПОЭМА СЕРДЦА

1. ВЕСНА НАСТУПИЛА

Клейких листиков выводок нежный
поселился в саду под окном.
Что осталось от жизни неспешной,
перевёрнутой ныне вверх дном!

Соблазнила весна, охмурила...
На распутье возник предо мной
вовсе не серафим шестикрылый —
образ женщины, грешной, земной.

И слышалось в песенном строе
разгулявшейся птичьей семьи
беспокойное «эр» дождевое
и протяжное сладкое «и-и-и»...

Не упал, бездыханный, на землю
я, как бурю срезанный куст,
но, поддавшись сквозному веселью,
онемел от нахлынувших чувств.

Не обрёл я всезнание пророка,
но в оттаявшем сердце унёс
женский голос, зовущий негромко,
и апрельскую молодость гроз.

2. ЗА ЧТО?

Идём у храма на виду
рука в руке с тобой,
несём ладоней теплоту,
как дар любви слепой.

Ни осудить, ни оправдать
никто не вправе нас,
когда такая благодать
царит вокруг в сей час!

Игривая берёзы прядь
склонилась до земли.
Так сладко голову терять
и видеть храм вдали!

Любовь моя, не обессудь,
в плену твоих оков
не опасюсь я ничуть
спуститься с облаков.

Пускай законная жена
ты до сих пор не мне,
а незаконная страна
должна гореть в огне.

Как знать, каким огнём горю,
касаясь губ твоих,
за что, за что благодарю
сей безначальный миг...

3. НАШ УДЕЛ

Мы не можем вместе быть,
есть на то причин немало.
Притворяться и юлить
я устал и ты устала.
Пусть все знают — ты моя!
Навсегда ли — неизвестно.
Божьей милости струя,
лучших строк моих невеста,
наш удел — поврозь скучать
и друг другу не наскучить.
Одиночества печать
нас не зря смиренью учит.

4. ГРУЗИНСКАЯ ЖЕНА

Ты не грузинская жена,
ты дочь казачества донского.
Как Дон не вычерпать до дна,
так не вложить в скупое слово,
чем приглянулась ты певцу
укромных усовских угодий.
Любой наряд тебе к лицу,
и дело здесь совсем не в моде.

Твоя улыбка — твой наряд.
В ней — красота иного рода:
цветёт, как первомайский сад,
она в любое время года.
Что мне теперь до прочих жён,
коль я перед твоей улыбкой
склоняюсь, словно дирижёр
перед оркестра первой скрипкой!

5. ВОЗДУХ МАЯ

Соловьиный воздух мая
под сиреновой звездой,
нас любовно обнимая,
учит истине простой:

от добра добра не ищут,
суд людской не Божий суд...
Твой платок цветами вышит
не для горя и простуд.

Розовеет даль востока,
замерла речная гладь, —
только небо знает, сколько
дней-ночей нам гулевать.

Что бы с нами ни случилось,
породнились мы не вдруг:
нам уже даны как милость
память губ и память рук.

6. ПРАВДИВАЯ СКАЗКА

Осени лисью повадку
твои выдают глаза.
Я разгадал загадку:
ты же сама — лиса.
В зарослях дел житейских
в хитростях знаешь толк.
Я же — хоть плачь, хоть смейся —
заматерелый волк.
Слово — моя добыча,
брюхо — карман пустой,
и никакой лесничий
мне не грозит бедой.
Рыжий я заметил
хвост в городском лесу,
ловко расставил сети
и заманил лису.
Только и сам попался
накрепко в твой капкан.
Леший ли просчитался —
опытный интриган,
но, ожидая вместе
скорый приход зимы,
волчьей и лисьей чести
не запятнали мы...
Слухов и сплетен праздных
что тут махать косою, —
видно, не только в сказках
сходятся волк с лисой.

7. ЖЕНЩИНА МОЯ...

Ласковая моя женщина,
искренняя подруга,
видно, судьбой завещано
выбиться нам из круга
мелочности обиденной
в яркий и самобытный,
радостный, удивительный
мир, только нам открытый!

Вовсе не приворотное
зелье — объятя наши.
Женщина моя кроткая,
сердца заздравной чашей
славлю я жизнь безбрежную,
где я открыл свой берег.
Женщина моя нежная,
лучшая из Америк!

8. УЛЫБНИСЬ!

Одари меня новой улыбкой
и о прошлом со мной не жалея,
не спеши закрываться улиткой,
на меня свою нежность пролей, —
загорюсь я и тем же отвечу,
не бывает иначе у нас.
Посылает нам каждая встреча
весть о радости здесь и сейчас.

Что нас ждёт, домогаться не будем
у пространства и времени, нет.
Благолепью небес, а не судьям,
наших судеб доверим секрет.
Наши чувства чисты и не скрытны,
словно ветер весенний с полей,
где кузнечик играет на скрипке...
И с кузнечиком сердцу светлей.

9. НАС ПРОСТЯТ

От судьбы не ждала ты подарка,
шёл к тебе я окольным путём,
и свела нас дворовая арка
под разгульным июльским дождём.

Нам теперь наяву удаётся
проживать предрассветные сны.
Погляди, отражается солнце
на холодном экране луны.

И лучится луна, как живая.
Так и мы, оказавшись вдвоём,
забываемся, не забывая
из какого источника пьём.

Нас простят за открытость и скрытность,
за бездомную искренность глаз,
и нечистому ангел не выдаст,
и помолится грешник за нас.

10. НОКТЮРН

Мы у ночного неба
лучшие сторожа.
Полночи гимн хвалебный
с третьего этажа,
губ не разняв, возносим,
празднуем в звездопад
первую нашу осень.
Месяц — нам сводный брат,
смотрят на нас созвездья
неисчислимых звёзд...
Наши сердца спят вместе,
даже когда мы врозь!

11. ПРИЗНАНИЕ

Ты душой чиста и целомудренна,
беззащитна перед силой злой.
Столько леса у меня порублено,
столько чувств погубило под пилой!
Мы во всём с тобой такие разные,
но, пожалуй, сходимся в одном:
лжи не терпят губы безотказные,
непритворным мы пьяны вином.
Долго я тебя искал, но ты-то ведь
не ждала, что постучу я в дверь.
Бесполезно у судьбы выпытывать,
почему мы встретились теперь,
а не позже или раньше. Милости,
к нам сошедшей свыше, не отринь.
Постараюсь до тебя я вырасти
и твоих не осквернить святынь!

12. НАША ПРИСТАНЬ

Двух сердец предрассветную тайну,
жар и трепет полуночных встреч
охраняет цикад стрекотанье
и реки неразумная речь.

В стрекотании, в шорохах, в плесках
с миром прочим теряется связь,
в хоре звуков, земных и небесных,
так легко раствориться, пропасть!

И нечаянно всплыть на приволье,
на одной из свободных планет,
где цветёт только губ наших поле
и горит только наш небосвет.

13. ТЫ УВИДИШЬ

Наше бабье лето длится, длится...
Сколько там осталось до зимы?
Ходит осень в платьице из ситца —
губы ярче бусин бузины.

Если вись нахмурится дождями,
не печалься — солнце есть у нас.
Нет нужды ему всходить над нами,
солнце это — в небе наших глаз.

А накроют стылые метели —
всё равно найдём себе уют:
ты увидишь, что на самом деле
птицы сердца и в пургу поют!

14. ЗОЛОТАЯ ОСЕНЬ

Ковёр персидский осень расстелила,
его украсив вышивкой искусно.
Под тем ковром земля давно остыла,
зато мои не оскудели чувства.

Ты для меня «очей очарованье»
и ныне, и в любое время года!
Отпустит нам на зимнее коханье
снегов пречистых щедрая природа.

Когда закружит хоровод весенний
и май подаст зелёную карету,
помчимся мы с тобой без опасений
туда, где больше солнца, больше свету.

Иные скажут, ты с мечтами дружен,
а жизнь скупей, жестокосердней, строже.
Но если я кому-то очень нужен,
моя мечта — ему быть нужным тоже.

Ни от кого я не держу в секрете,
откуда родом строк счастливых стая:
и чувства, и слова, и мысли эти
мне подсказала осень золотая.

15. ПО ГУДКУ ЭЛЕКТРИЧКИ

Я живу по гудку электрички.
Колесей-однопуткой она
выгребает из бучи столичной
на простор, где звенит тишина.

В нашем крае нечастая гостя,
проплывает на малом ходу —
так, что даже не дрогнут и гроздя
спелых вишен в соседском саду.

Я тебя на платформе встречаю
и на сутки краду у Москвы.
Мы отрадному верим скучанью
и пощады не ждём от молвы.

Мы сошлись на пронзительной ноте,
не фальшивя, аккорды берём.
На подъёме ли мы, на излёте —
я в гаданиях не умудрён.

Всё у нас до того необычно,
что не стоит привычки менять...
И гудит вдалеке электричка,
и к платформе спешу я опять...

16. БЕЛЫЕ ВОРОНЫ

Ни к какой мы не прибились стае,
две вороны белые. И вот,
погляди-ка, всё равно летаем,

и не важно кто кого ведёт,
что о нас судить другие станут...
Разглядев в глазах твоих весну,
может, я впервые не обманут,
может, в первый раз не обману!

СОДЕРЖАНИЕ

От автора.....	3
«Бывают дни свободные, как вздох...»	4
Пора.....	7
Выбор.....	8
В споре живых.....	9
Так бывает.....	10
Верю.....	11
У рабочего стола.....	12
Сосны.....	14
Привкус детства.....	15
Бабушка Анна.....	16
Он бредёт... ..	17
Девонька.....	18
Старатели прекрасного.....	19
О славе.....	20
С улыбкой о серьёзном.....	21
Глаза женщины.....	22
Между землёй и небом.....	23
Моему саду.....	24
В маленькой комнатке.....	25
Мой ковчег.....	26
Благодарение.....	27
Что нас ждёт?.....	28
Молитва.....	30
Небосвет.....	31
РУССКИЙ СЕВЕР	
1. Вологда.....	32
2. Кириллов.....	33
3. У Дионисия.....	33
4. Мужик из Кабачина.....	34
5. Вечер в Горцах.....	35
Солнце двух народов.....	37
НА ЭГЕЙСКИХ БЕРЕГАХ	
1. Волны и звёзды.....	38
2. Фессалоники.....	39

3. Амфора.....	40
4. Метеоры.....	40
5. Два воина.....	41
Я ещё напишу.....	43
Ещё побудем.....	44
К самому себе.....	45
Русский самурай.....	46
Пушкинский вопрос.....	48
Vita nova.....	49
По грибы.....	50
К солнцу.....	51
Не радуйтесь.....	52
В своём кругу.....	53
Солнечный волк.....	54
В такие дни.....	56
А сад звенит.....	57
31 января.....	59
Перезимуюем.....	60
В такую ночь.....	61
Я готов.....	62
Мудрец говорил.....	63
Таков поэт.....	64
Среди снегов.....	65
На языке капли.....	66
У обители.....	67
Наш хлеб.....	68
Живое слово.....	69
Моя Россия.....	70
Утро на Оке.....	71
Голос сердца.....	72
К жизни.....	73

ЛУЧШИХ СТРОК МОИХ НЕВЕСТА

ПОЭМА СЕРДЦА

1. Весна наступила.....	74
2. За что?.....	75
3. Наш удел.....	76
4. Грузинская жена.....	76
5. Воздух мая.....	77
6. Правдивая сказка.....	78
7. Женщина моя.....	79
8. Улыбнись!.....	79
9. Нас простят.....	80
10. Ноктюрн.....	81
11. Признание.....	81
12. Наша пристань.....	82
13. Ты увидишь.....	82
14. Золотая осень.....	83
15. По гудку электрички.....	84
16. Белые вороны.....	84

Александр Евгеньевич Сорокин

ГЛАЗАМИ СЕРДЦА

Макет и верстка

Е. Г. Метченко

Фото на обложке

И. А. Новосельская (Меладзе)

Автор благодарит

за помощь в издании этой книги

Николая Левашова.

Сдано в набор 03.03.2013. Подписано в печать 04.03.2013.

Формат 60х90/16. Бумага офсетная. Гарнитура «Academy».

Печать офсетная. Усл. печ. л. 5,0. Тираж 999 экз.

Заказ №64

ООО «Научно-издательский центр «Академика»

127254 Москва, ул. Гончарова, д. 15 .

Отпечатано в ООО "ТР-принт"